

УДК 355:94(47)''1545''(045)

*М.А. Несин***РУССКИЙ СУДОВОЙ ПОХОД НА КАЗАНЬ ВЕСНОЙ 1545 ГОДА**

В работе комплексно исследуется русский судовой поход на Казань 1545 г. Перечислены источники, упоминающие о нём. Обосновывается нецелесообразность привлечения рассказа казанского летописца для реконструкции событий 1545 г. Рассматриваются хронология похода, численность и состав его участников, порядок военных действий. Предложено решение спорного вопроса об изначальных целях этой кампании. Автор пришёл к выводу, что основная цель похода не была достигнута и выявляет участие казанских войск в борьбе с русскими судовыми ратями. И всё же русский поход на Казань привёл к переменам на казанском престоле. Автор заключает, что малоуспешные боевые действия казанцев настроили хана Сафа-Гирея против местной знати, что окончилось его свержением.

Ключевые слова: Казань, Сафа-Гирей, Шах-Али, судовые рати, русский поход на Казань 1545 г.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-574-582

Русский военный поход на Казань 1545 года неоднократно упоминался в историографии [1; 2; 5; 6; 8; 11; 12; 13; 29; 30, 32]. Официальное московское летописание второй половины XVI в. отсчитывало от него «начало казанской войны» от «великого князя Ивана» [20, с. 147; 23, с. 465; 24, с. 46]. Что, впрочем, по мнению А. В. Аксанова, могло отражать «взгляды книжников... писавших свои труды уже после покорения Казани» в 1552 г., а не современную описываемым событиям позицию московских властей. «Возможно, в 1545 г. русское правительство ещё не намеревалось полностью ликвидировать казанское ханство, а преследовало иные цели» [2, с. 185]. Например, не выходило за рамки старых идей восстановить над Казанью московский протекторат. Но учёные отсчитывают от него новый этап московско-казанских отношений [2, с. 202; 5, с. 95; 6, с. 91; 11, с. 118; 32, с. 136]. И действительно, с середины 1530-х гг. русские войска зачастую оборонялись от набегов казанцев (отдельные попытки организовать военный поход на Казань были безуспешны). Но с 1545 г. переходят к наступлению [6, с. 91], что со временем завершилось взятием Казани в 1552 г.

Этот поход не был комплексно изучен. Даже в специально посвящённой ему статье А. Б. Кузнецова [12] содержится краткий пересказ основных событий. В данной статье постараемся восполнить эту лауну. Работа является продолжением нашего исследования казанских набегов 1530–40-х гг. [16]. 30 июня 2018 года она была представлена в форме доклада на научной конференции «Военное дело России XVI–XVII веков» и впервые публикуется в настоящем издании. В ней рассмотрены хронология похода, численность и состав русского войска, порядок военных действий и предложено решение дискуссионного вопроса об изначальных целях этой кампании.

Прежде всего, чётко обозначим, какие источники для изучения этого похода стоит использовать, поскольку до сих пор это не было сделано в предшествующей историографии. О нём сообщают записи разрядных книг 1475–1598 и 1475–1605 гг. [27, с. 109; 28, с. 316–317] и летописные источники — летописец начала царства Ивана IV, продолжение хронографа редакции 1512 г. И Постниковский летописец [20, с. 146–147; 21, с. 445–446; 23, с. 464–465; 24, с. 46, 145; 25, с. 27; 31, с. 290]. «Казанская история», или «казанский летописец», тоже сообщает о судовом походе князей Семёна Микулинского и Василия Серебряного на Казань, но почему-то помещает эти события после бегства из Казани хана Шаха-Али в 1546 г. [22, с. 57–59; 297–300]. Г. З. Кунцевич и А. В. Аксанов заметили, что казанский летописец ошибочно сместил судовой поход этих воевод на год с небольшим [1, с. 116; 13, с. 335]. Но в рассказе казанской истории есть и другие нестыковки — упоминание о разорении русскими марийских «полей», и сообщение о разграблении ими под Казанью шатров самого хана [22, с. 57–58, 298–299]. Если бы это было во время весеннего похода 1545 г, официозный московский хронист бы об этом упомянул. Но ни у него, ни в продолжении хронографа редакции 1512 г. об этом не сообщается. Наоборот, согласно этим источникам, в 1545 г. по пути к Казани князь В. С. Серебряный грабил не марийцев, а «побил» на рр. Вятке и Каме казанских людей [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145], а под Казанью обе русские судовые разоряли не ханские, а обычные шатры [31, с. 299]. К тому же, казанский летописец упоминает в составе русской флотилии огненных стрельцов [22, с. 57, 297], не то из пушек, не то из стрелкового оружия. Это, возможно, противоречит характеру судового похода 1545 г., в который как бы-

ло подчеркнута официальным московским хронистом, судовые рати были отправлены «лёгким делом» [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. Но из разрядной записи известен русский поход на Казань в июне 1549 г. Его возглавляли другие воеводы, Б. И. и Л. А. Салтыковы [27, с. 118]. Об их успехах, как, впрочем, и неудачах, источники умалчивают. Видимо, этот поход, был успешнее знаменитой зимней кампании 1549/1550 гг., и потому московские хронисты о нём предпочли не распространяться... Не описаны ли в казанском летописце реалии этого малоизвестного похода с путаницей в именах воевод? Настораживает и отсутствие в этом рассказе сведений о печальной участи запоздалой пермской судовой рати, разбитой казанцами в 1545 г. Ведь в отличие от московского официозного летописания, казанский летописец не стремился подчеркивать успехи русских войск. Так, о причине отступления судовых ратников сказано, что те желали избежать столкновения с посланным против них в «погоню» двадцатитысячным войском, а о тяготах русских войск в зимнем походе на Казань 1549/1550 гг. пишет печальнее, чем официальный хронист [22, с. 58–60, 299–300, 302–303]. Упоминания имён воевод князей Микулинского и Серебряного — единственное, что точно соотносится в рассказе казанского летописца с походом 1545 г. Всё остальное, скорее всего, имеет отношение к другой кампании. Во всяком случае для надёжной реконструкции событий 1545 г. рассказ казанской истории использовать не стоит.

Причины похода. Согласно официальному московскому летописанию, впоследствии Сафа-Гирей, «почал на князей неверку в измене: вы де и приводили воевод великого князя» [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. Схожих мнений о причинах русского похода на Казань придерживались М. Г. Худяков [30, с. 101–102] и Р. Г. Фархутдинов [29]. Напротив, по мнению А. Г. Бахтина, источники «не подтверждают того» [6, с. 91]. Отметим, что сам официозный московский хронист не солидарен с точкой зрения казанского хана. Когда в Москву прибывали с подобными предложениями татарские делегаты, данный источник всегда об этом сообщал. Отсутствие таких сведений в данном случае, склоняют к выводу, что подозрения хана Сафа-Гирея были напрасны [16].

На наш взгляд, приоритетную роль играл внешнеполитический фактор. Нами было показано, что в 1530–1540-х гг. Москва не могла воевать на два фронта с Казанским ханством и союзным ему Крымским. После того как в 1541 г. набег крымцев сорвал планировавшийся русский поход на Казань, московские власти стремились снаряжать войска в казанский поход втайне от неприятелей. Поэтому готовившийся согласно выявленной нами разрядной записи в 1542 г. поход на Казань оказался сорван, когда о нём узнал казанский хан и совершил набег на муромскую округу, которая должна была стать сборным пунктом для русских войск. В следующий раз русские пошли в поход уже три года спустя, в 1545 г., как раз в то время, когда крымский хан Сахайб-Гирей воевал в Астрахани и не мог вступить за своего племянника [16]. По гипотезе А. Б. Кузнецова, приготовления к походу начались со второй половины 1544 года [12, с. 13]. Однако, на самом деле распоряжение о военном походе на Казань последовало уже 2 апреля 1545 года.

Хронология похода. Летописец начала царства Ивана IV, Постниковский летописец и разрядная книга 1475–1598 гг. относят распоряжение Ивана IV об организации военного похода на Казань к апрелю [20, с. 146; 21, с. 445; 23, с. 464; 24, с. 46, 145; 25, с. 27; 27, с. 109]. Разрядная книга 1475–1605 гг. уточняет, что это произошло 2 числа [28, с. 316]. Согласно разрядным книгам, нижегородская и вятская судовые рати были отправлены в поход полой водой [27, с. 109; 28, с. 316], т. е. в период весеннего половодья.

Встреча обеих ратей произошла, по летописцу начала царства Ивана IV, на день явления святого духа (Троица) в устье р. Казанки («Казанском устье») [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145], недалеко от казанского кремля. Троица приходится на 7-е воскресенье после Пасхи. В том году это было 24 мая: летописец начала царства Ивана IV сообщает, что четверг 7-ой недели со дня Воскресения Христова выпал на 21-ое [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145].

Постниковский летописец уточнил место встречи обеих ратей — Гостин остров [25, с. 27], который в старину находился в устье р. Казанки (ныне от него остался маленький о. Маркиз). И по ошибке отнёс встречу обеих судовых ратей к 14 мая. Причина недоразумения может быть в следующем. На Руси числа обозначали буквами и «14» писали как «ИД», а «24» как «КД». Если у «К» плохо прописаны косые черты, а различима лишь вертикальная, то вместо «КД» получится «ИД», или 14-ое число вместо 24-ого. По Постниковскому летописцу, 28 мая русские уже «пригребли» в Нижний Новгород [25, с. 27]. Но эта дата нуждается в уточнении, поскольку преодоление 600 км вверх по Волге в период весеннего половодья за 4 дня на средневековых стругах невозможно. В 1468 г. во время Первой Казани, русская судовая рать за день одолела лишь около 40 км от Казани до Звенчева бора. Тем

более, что нижегородской и вятской флотилиям после встречи 24 мая надо было потратить время на грабежи шатров и кабаков и имения казанского мурзы на р. Свияге. Полагаем, что 28 мая русские только отчалили в сторону Нижнего Новгорода после 4-х дней грабежей. И всё же рассказ Постниковского летописца выделяется обилием дат и наиболее точным указанием места встречи обеих судовых ратей. Это может служить аргументом в пользу версии о составлении данного памятника дьяком разрядного приказа Н. Ф. Моклоковым (Постником-Губиным).

Состав и численность ратей в русском походе на Казань 1545 г. В походе приняли участие две судовых рати, из Нижнего Новгорода и Вятки (в последней, как отметил О. В. Комаров, сославшись на запись продолжения хронографа редакции 1512 г., был устюжский и двинской контингенты [10; 31, с. 290]. Согласно тому же источнику, она вышла из Вятки [31, с. 290]. Поэтому в дальнейшем для краткости мы будем в основном именовать её вятской). Некоторые списки поздней редакции летописца начала царства Ивана IV сообщают об участии третьей судовой рати из Перми с воеводой Внучком Львовым. Она опоздала и была разбита казанцами, а воевода погиб [21, с. 446; 24, с. 145].

Согласно разрядам и спискам поздней редакции летописца начала царства Ивана IV, нижегородская рать, в отличие от вятской, делилась на три полка: большой, сторожевой и передний [20, с. 146; 21, с. 445; 23, с. 464–465; 24, с. 145; 27, с. 109; 28, с. 316]. По наиболее подробным росписям, содержащимся в разрядных записях, большой полк возглавляли два воеводы, а в сторожевом и переднем было по одному. Главный военачальник нижегородской рати, князь С. И. Пунков Микулинский находился в большом полку: «апреля посылка х Казани в судех полою водою воевод князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода по полком: в болшом полку воеводы князь Семен Иванович Микулинской да князь Василей Иванович Осиповской. В передовом полку воевода Иван Васильевич Шереметев Большой. В сторожевом полку воевода князь Давыд Федорович Палицкой. А с Вятки ходили воеводы с вятчены в судех х Казани полою же водою князь Василей Семенович Серебренного-Оболенской да вятцкой наместник князь Юрьи княж Григорьев сын Мещерского» [27, с. 109]; «апреля в 2... послал князь великий Иван Васильевич всеа Руси впервые х Козани в судех полою водою воевод своих по полком князя Семена Ивановича Пункова Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода по полком: в болшом полку воеводы боярин князь Семен Иванович Пуньков Микулинской да князь Василей Иванович Осиповской Стародубской. В передовом полку воевода Иван Васильевич Шереметев Большой. В сторожевом полку воевода князь Давыд Федорович Палецкой. А с Вятки по государеву указу ходили воеводы с вятчены в судех х Козани (в Козань О.) же полою водою князь Василей Семенович Серебренной Оболенской да вятцкой наместник князь Юрьи княж (князь Э., О.) Григорьев сын Мещерской. А вятцкие воеводы сошлись со князь Семеном Микулинским на Козанском устье» [28, с. 316–317]. Это по форме очень похоже на разрядные росписи воевод по городам, и разрядные записи о военных походах воевод с их полками. Потому, можно предположить, что основной контингент этой нижегородской судовой рати тоже был служилый; об этом свидетельствует и тот факт, что после окончания похода Иван IV награждал, по словам летописца, воевод и детей боярских [20, с. 146; 21, с. 445; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. Значит, дети боярские составляли заметную часть участников похода или играли в нём важную роль. Опыт участия в судовой рати служилых людей, детей боярских использовался ещё в Первой Казани [3, с. 156–158; 9, с. 16]. Разрядная книга Полоцкого похода 1562/1563 г. отмечает, что нижегородцы выставили 350 детей боярских [8, с. 42]. И это по видимому примерно соответствовало численности местной служилой корпорации, поскольку город, по заключению археологов, пребывал после Едигеевой рати вплоть до XVII в., в захиревшем состоянии и не был плотно населён [7]). Конечно, как в случае с вятской (точнее — с вятско-устюжско-двинской) ратью, в составе нижегородской рати мог быть и иногородний контингент. Но, сообщая о благополучном возвращении русских воинов из судового похода 1545 г., летописцы упоминают, что те вернулись в Нижний Новгород [25, с. 27; 31, с. 290]. Следовательно, этот город был не просто сборным пунктом, а местом жительства для значительной части участников похода. Потому стоит считать, что основу нижегородской рати составляли нижегородские служилые люди и оценивать её примерную численность в несколько сот человек.

Другие рати, вятско-устюжско-двинская и опоздавшая пермская, не были служилыми. Пермь, Устюг, Двина, Вятка в Московский период по-прежнему выставляли земских ополченцев (историю вопроса см.: [17]). Должно быть, потому вторая судовой рать в отличие от нижегородской, согласно разрядным записям и официальному московскому летописанию, не делилась на три полка. Другое дело, что их воеводы могли брать с собой немного служилых людей, как это было в 1471 г. на р. Шилиньге в вятской и устюжской судовых ратях [17]. Численность этой рати теоретически могла

достигать от сотен до тысяч чел. В XVI в. Устюг обычно выставлял десятки-сотни ратников [10]. В 1471 г. устюжская и вятская судовая рать (с небольшим количеством московских служилых людей [17]) составляла 3970 чел. Эту цифру обычно признают достоверной [4, с. 135; 17], но О. В. Комаров, почему-то назвал эти сведения «завышенными», а ниже привёл разрядную запись об участии в походе на Югру 1499 г. 1304 устюжан [10]. Эта запись является не нарративным, а документальным источником и обычно признаётся правдоподобной [4, с. 369; 15; 26, с. 161]¹. Таким образом, вместе устюжане с вятчанами вполне могли собраться в количестве нескольких тыс. чел. Двиняне тоже выставляли до нескольких тыс. ратников. В 1471 г. на Шиленьге великокняжеской судовой рати из 3970 чел. противостояла не меньшая по численности новгородская флотилия, состоящая в основном из двинян [17]. Кроме того, в походе 1545 г. участвовала пермская, которая опоздала на соединение с ними. Вероятно, в ней было несколько сотен чел. В 1499 г. в поход на Югру отправились 500 вымичей и вычегжан, проживавших на территории Великой Перми [27, с. 28].

Таким образом, теоретически общая численность участников изучаемого похода 1545 г. могла

¹ Впрочем, О. В. Комаров усомнился в достоверности и этой цифры: «Обращает на себя внимание то, что у третьего воеводы было шестеро меньше ратников, чем у каждого из остальных, тогда как голов в его подчинении состояло четверо, а у других воевод — по 5» [10]. Но из источников не следует, что у «голов» Московской Руси было в подчинении одинаковое количество воинов. Например, по приведённой самим Комаровым разрядной записи начала XVII в. один «голова» вёл 7 сотников и 408 стрельцов, другой — 195 стрельцов, а третий — всего 10 охочих людей [10]. Это заставляет осторожно относиться к подсчётам численности войска по количеству «голов». Кроме того, О. В. Комарова «смущает также указание численности устюжан и двинян до последнего человека, чего обычно в подобных документах не наблюдается» [10]. Заметим, что количество двинян, и не самих по себе, а с важанами и пенежанами, процитированная автором разрядная запись называет с точностью не до единицы, а до десятка: 1920, а в приведённом учёным отрывке разрядной книги Полоцкого похода фигурируют сведения о численности войск с точностью до 10, до 5 и даже до 1 чел. [10]. Но их он не подверг сомнению. Характеризуя разрядную запись о походе на Югру 1499 г., упоминавшую в общей сложности ок. 4000 ратников, исследователь бездоказательно заявил, что «сама возможность пребывания столь большого числа людей всю зиму в Югре кажется невероятной» [10]. К тому же в действительности, зимой они шли лишь до Урала, а весной стали сплавляться по р. Оби [4, с. 367]. В целом, можно согласиться с О. В. Комаровым, что «никогда больше мы не видим такого огромного войска, совершавшего поход за Урал», чем указанное в разрядной записи четырехтысячное войско, отправленное на Югру в 1499 г. [10]. В то же время, для минимизации численности участников этого похода историк неудачно прибег к косвенным данным, стараясь показать, что русские никогда не снаряжали на Югру войска в тысячи чел., и даже в 1445 г. новгородцы снарядили в поход на Югру лишь сотни людей, а не летописное трехтысячное войско. Для того чтобы опровергнуть принятую в историографии летописную оценку [19, с. 435; 26, с. 161–162], Комаров указал, что в отряде одного из двух воевод, В. Шенкурского, югорцы избили 80 чел., и предположил, что ими исчерпывалась численность всего отряда [10]. Но историк не учёл известие процитированного им источника, что остальная часть войска разбежалась, и сам воевода с сыном сбежал с небольшими силами; к тому же избили по летописи представителей знати и удалых людей [19, с. 435], что могло вызвать панику и у полуторатысячного отряда; второй воевода, М. Яколь, находился в то время со своими силами на иной реке, но потом, увидев разорённый острог с трупами сограждан, встретился с бежавшими войсками Шенкурского и вернулся в Новгород. Не исключено, что причиной такого решения послужили не столько военные потери, сколько утрата острога для защиты от новых внезапных набегов югорцев. Без него новгородские воеводы не могли быть уверены в возможности удержать власть в малознакомой земле (на плохое знание новгородцами Югры указывает тот факт, что югорцы, усыпляя бдительность новгородцев перед внезапным набегом на их острог, обещали не только «счеститься» — принять перепись для обложения данью, но и указать свои «станы», острова, «уречища» [19, с. 435]. Югра, хоть и числилась как минимум с XIII в. в числе новгородских волостей [26], всё же была мало освоена новгородцами; удалённый от Новгорода за тысячи км таёжный малонаселённый край, хоть и посещался сборщиками дани и военными отрядами, оставался малоизученным). Ныне выводы Комарова о русском походе на Югру 1499 г. поддержал Н. В. Перцев, сославшись на летописные сведения о русской экспедиции на р. Цыльму, в которой в общей сложности было всего несколько сот людей, что, по бездоказательному мнению автора, является показателем максимального мобилизационного потенциала перечисленных в летописи областей [18]. Но поездка на Цыльму носила более промышленный, чем военный характер. В ней требовалось значительно меньше людей, чем для завоевания обширного бассейна р. Оби. Притом, Перцев некорректно сослался на наблюдение О. В. Комарова, что по Вычегодско-Вымской летописи общая численность участников похода на Югру 1499 г. составляла 700 чел. [18]. Комаров высказал более взвешенную оценку, что эта цифра могла относиться и ко всем воинам, и к одним зырянам. Таким образом, попытки данных авторов минимизировать количество участников той кампании не представляются убедительными, и мы не видим оснований не доверять сведениям разрядной записи.

исчисляться сотнями или тысячами. Но едва ли имело смысл собираться в большем количестве, чем десятки судов. Для того, чтобы совершать описанные в летописях успешные грабежи казанских окрестностей, судовым ратям была нужна манёвренность: умение внезапно высадиться и быстро уплыть (речная пехота навряд ли планировала вести открытый бой с местной конницей. Опыт новгородских судовых ратей в боях с москвичами под Коростынью в 1471 г. и костромичами под Костромой в 1375 г. говорит о том, что они предпочитали застать врага врасплох). Прибывшие в 1545 г. под Казань ратники шли «лёгким делом», видимо ради большей мобильности. Притом, судовые рати действовали не только на Волге, но заходили в более узкую р. Свиягу и, возможно, Казанку. А большие флотилии для этого не годились даже в период весеннего половодья.

Скорее всего общее число участников похода, включая опоздавших пермяков, не превышало 1500 новгородских ушкуйников на 70 ушкуях, которые в 1375 г. с помощью засадного манёвра разбили пятитысячное костромское войнство и заняли город. А могло не превышать тысячи. В 1446 г. 700 казанцев на плотах пытались взять Устюг с маленькой, но мощной крепостью, которая была не слабее Казанской XV–XVI вв. В 1471 г. разбитая у Коростыни новгородская судовая рать, пытавшаяся внезапно атаковать московский стан, видимо, тоже насчитывала менее 1000 чел. (Кроме 500 убитых, в источниках фигурируют «иные», которые по приказу москвичей друг друга увечили. Но столь малодушные люди не составили бы большой процент даже в крайне деморализованном войске).

Боевые действия русских судовых ратей. Согласно летописцу начала царства Ивана IV, воевода вятской судовой рати князь В. С. Серебряный, следуя по рр. Вятке и Каме, «побил» «многих» «казанских людей». А уже после встречи нижегородской и вятской судовых ратей в устье р. Казанки, объединённое русское войско «побило» «многих» «казанских людей» под самой Казанью и разграбило ханские кабаки [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. О последнем упоминает и продолжение хронографа 1512 г., добавив, что русские разграбили под Казанью татарские шатры [31, с. 290]. Летописец начала царства Ивана IV сообщает, что далее воеводы послали детей боярских на р. Свиягу, впадающую в Волгу в 30 км выше исторического центра Казани, и там те опять же побили многих казанских людей и взяли в плен казанского аристократа — мурзу Муророзу с сыном, а его жену с другими детьми убили [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. Продолжение хронографа редакции 1512 г. резюмирует, что русские войска захватили в казанских «местах» большой полон [31, с. 290].

Исследователи, упоминая грабежи русских ратников, не писали, что казанские войска оказали им сопротивление. По словам Д. А. Котлярова, «в летописном рассказе не содержится известий о противодействии казанцев вторжению русских войск на их территорию. Казань предпочла не оказывать сопротивления» [11, с. 225]. Между тем, учёные не пытались выяснить, кто такие «многие» «казанские люди», которых русские войска «побили» в разных местах. Термин «люди» на Руси применялся для обозначения свободного населения. Но в данном контексте он означал казанское войско: тот же оборот «казанские люди» употреблён в этом же источнике для обозначения казанцев, разгромивших запоздалую пермскую судовую рать [21, с. 446; 24, с. 145]. Летописец не видел принципиальной разницы между казанскими людьми, побитыми первыми двумя ратями на Вятке, Каме, под Казанью и на Свияге и казанскими людьми, которые побили пермяков. Таким образом, казанские войска пытались противостоять двум первым русским судовым ратям, но терпели поражения. 28 мая 1545 г. после 4-х дневных грабежей две русские судовые рати благополучно поплыли назад с большим полоном, захваченным на Свияге. А опоздавшая третья судовая рать сама была разбита казанцами.

Историки в основном не задавались вопросом о цели русского весеннего судового похода на Казань. Видимо, предполагалось, что в этих летописных грабежах и заключался смысл кампании: в целом летописные рассказы составляют впечатление, что поход закончился для русских победой. Иногда высказывались идеи, что московиты с самого начала не планировали брать город, а просто демонстрировали свою силу [11, с. 225–226; 32, с. 239]. Впрочем, источники не сообщают о такой цели похода. И не ясно, зачем русским было устраивать подобную демонстрацию для казанцев. Во время своих набегов на Русь за последние 10 лет тем неоднократно приходилось ретироваться при подходе русских полков [16]. Может быть, предполагалось нервировать казанцев ловкими грабежами в качестве симметричного ответа на казанские набег при Сафа-Гирее середины 1530-х — первой половины 1540-х гг.? Но зачем было собирать целых три рати, включая одну служилую? Такое количество судовых ратей обычно мобилизовали ради взятия Казани [3], а не ради одних грабежей. Впрочем, надо заметить, что в историографии имеются разные оценки результатов данной кампании. А. Г. Бахтин отметил, что русский поход не был успешен [6, с. 91]. С. Х. Алишев и А. Б. Кузнецов писали, что русским не удалось взять Казань [5; 12, с. 13]. Таким образом, высказывались намерения на то, что целью похода было взятие города. Они

представляются нам не менее перспективными, чем попытки свести изначальные цели похода к простой демонстрации русской военной силы. Любопытно, что источники избегают упоминать запоздавшую третью судовую рать из Перми. Лишь в двух поздних списках летописца начала царства Ивана IV сообщается о её разгроме казанскими людьми [21, с. 446; 24, с. 145]. Прочие известия об этой кампании умалчивают о каких бы то ни было неудачах русских войск. (А тот же летописец начала царства Ивана IV торжественно завершает рассказ о кампании словами, что государь жаловал воевод и детей боярских всем, чем те желали [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]). Это не типично даже для официального московского летописания, которое обычно констатирует военные неудачи и не замалчивает большие боевые потери. Создаётся впечатление, что история этой рати коробила современников не только своим трагическим финалом. Скорее всего, опоздание пермяков изменило результат всего похода, сорвав готовящийся внезапный штурм города. Вятская и нижегородская флотилии не могли её ждать на Гостином острове в устье Казанки (иначе бы потерял актуальность фактор внезапности, необходимый небольшому пешему легковооружённому десанту для взятия окрестного казанского кремля) и ограничились грабежами округи, попутно отражая атаки казанцев.

Последствия похода. Таким образом, главная цель похода не была достигнута. Из-за опоздания третьей судовой рати две первые флотилии город брать не решились, ограничившись грабежами под его стенами и в его окрестностях — на Свяге, попутно разбивая отряды казанских людей. Судьба запоздалой судовой рати была трагична. Казанцы её разбили, убили воеводу.

И всё же поход русских войск оказал заметное влияние на судьбу казанского престола, поскольку в итоге хан Сафа-Гирей лишился трона [12, с. 16]. После этого похода Сафа-Гирей, заподозрив представителей местной знати в измене, обвинял их, что они спровоцировали приход русских судовых ратей. Это, как сказано выше, было напрасным. Но источники, в т. ч. и враждебные Сафа-Гирею, не сообщают о его болезненной подозрительности, хотя известно, что у бывшего крымского царевича были сложные отношения с казанской знатью, у которой он отнимал «ясаки» в пользу крымских выходцев. И теперь у него были основания подозревать местную аристократию в нелояльности: вятская судовая рать разбивала казанские войска на рр. Вятке и Каме, а потом уже совместно с нижегородской — под самой Казанью и на р. Свяге. Таким образом, речная пехота неоднократно побеждала казанские отряды. Это не было типично для казанского войска, которое в столкновениях в окрестностях Казани являлось серьёзным соперником даже для русской конницы. По-видимому, казанцы держали пассивную оборону, несмотря на то, что впоследствии им удалось разгромить запоздалую судовую рать из Перми. Надо полагать, это и задело Сафа-Гирея. Как записал по иному поводу Николай II, «кругом измена, трусость и обман». Последовавшие затем со стороны хана репрессии против видных казанских аристократов привели к тому, что в 1546 г. он был свергнут [14, с. 27]², а на престол приглашён русский ставленник Шах-Али (хотя, казанцы старались ограничить московское влияние, решив Шах-Али оставить при себе войско всего лишь из 100 чел.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А. В. Казанский поход 1549–1550 годов глазами современников и потомков XVIII–XXI веков // Вестн. Удм. ун-та. 2012. № 1. С. 114–118.
2. Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории имени Ш. Маджарани, 2016. 288 с.
3. Алексеев Ю. Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории. Сб. ст. к 65-летию проф. И. Я. Фроянова. 2001. С. 152–165.
4. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 464 с.
5. Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
6. Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфический комбинат, 1998. 192 с.
7. Гусева Т. В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследова-

² Впрочем, выводы учёного, что в этом конфликте участвовало две «партии» «казанской знати» [14, с. 27] нуждаются в оговорке. Летописец начала царства Ивана IV поясняет, что «рознь» была между ханом и казанскими князьями [20, с. 147; 21, с. 446; 23, с. 465; 24, с. 46, 145]. Возможно, не вся казанская элита была настроена непримиримо и потому его свергли не сразу. Но к истинным сторонникам Сафа-Гирея есть основание причислить, разве что, его «крымских людей», впоследствии «побитых» «казанцами».

- ния по краеведению и археологии. 1996. С. 44–45.
8. Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). СПб.: РНБ, 2004. 107 с.
 9. *Комаров О. В.* Казаки: многообразие социального явления XV–XVII вв. // *Valla*. 2017. № 3 (5). С. 14–29.
 10. *Комаров О. В.* Ратные люди Поморских городов второй половины XVI — начала XVII вв. URL: <http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>
 11. *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
 12. *Кузнецов А. Б.* Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию создания Российского гуманитар. Науч. фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2011 г.). 2004. Ч. 1. С. 73–78.
 13. *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография Н. И. Скороходова, 1905. 696 с.
 14. *Моисеев М. В.* Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюркско-татарские государства. 2013. № 5. С. 20–29.
 15. *Несин М. А.* Из истории логистики русских войск в XV — начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») // URL: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7
 16. *Несин М. А.* К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2019. URL: http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13
 17. *Несин М. А.* К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. URL: http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2
 18. *Перцев Н. В.* Поход московских войск 1499 г. в Югру в контексте внешней и внутренней политики Московского государства // URL: http://e-notabene.ru/hr/article_25381.html
 19. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. М.: Языки славянской культуры. 2000. Т. 3. 720 с.
 20. ПСРЛ. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. Т. 13. Ч. 1. 302 с.
 21. ПСРЛ. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. Т. 13. Ч. 2. 240 с.
 22. ПСРЛ. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. Т. 19. 496 с.
 23. ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914. Т. 20. Ч. 2. 302 с.
 24. ПСРЛ. М.: Наука. 1965. Т. 29. 390 с.
 25. ПСРЛ. М.: Наука. 1978. Т. 34. 390 с.
 26. *Лузанов В. Д.* Русские походы на Югру XI–XVI вв. // Вестник угроведения. 2014. № 3 (18) С. 161–164.
 27. Разрядная книга 1475–1598 гг. М: Наука, 1966. 615 с.
 28. Разрядная книга 1475–1605 гг. М: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 2. 914 с.
 29. *Фархутдинов Р. Г.* История татарского народа и Татарстана: древность и средневековье // URL: https://www.tataroved.ru/obrazovanie/textbooks/1/r6/?&url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/&bso_rewrite_url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/
 30. *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН. 1991. 320 с.
 31. *Шмидт С. О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. 1951. Т. 8. С. 258–299.
 32. *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского историко-архивного института. 1954. Т. 6. С. 96–252.

Поступила в редакцию 23.11.2018

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
ФГБУ «Военно-исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7
E-mail: petergof-history@yandex.ru

M.A. Nesin

THE RUSSIAN SHIP CAMPAIGN TO KAZAN IN THE SPRING OF 1545

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-574-582

In the given article the Russian ship campaign to Kazan in 1545 is comprehensively explored. Sources mentioning it are listed. The inexpediency of attracting the story of the Kazan chronicler for the reconstruction of the events of 1545 is substantiated. The chronology of the campaign, the number and composition of its participants, and the order of military actions are considered. A solution to the controversial issue of the original objectives of this campaign is proposed. The author came to the conclusion that the main objective of the campaign was not achieved and reveals the participation of

Kazan troops in the fight against Russian shipyards. Yet the Russian campaign to Kazan led to changes on the Kazan throne. The author concludes that Kazan's unsuccessful fighting set up Khan Safa-Girey against local nobility, which ended with his overthrow.

Keywords: Kazan, Safa-Girey, Shah-Ali, shipyards, Russian campaign to Kazan in 1545.

REFERENCES

1. *Aksanov A. V.* Kazanskij pohod 1549–1550 godov glazami sovremennikov i potomkov XVIII–XXI vekov [The Kazan Campaign of 1549–1550 through the eyes of contemporaries and descendants of the 18–21 centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2012, no. 1, pp. 114–118. (In Russian).
2. *Aksanov A. V.* Kazanskoe hanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germenevticheskogo issledovaniya [Kazan Khanate and Moscow Russia: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Institute of History named after S. Majarani, 2016. 288 p. (In Russian).
3. *Alekseev Yu. G.* "Pervaya Kazan'" i zarozhdenie voennogo vedomstva Russkogo gosudarstva [The "First Kazan" and the birth of the military department of the Russian state]. *Issledovaniya po russkoj istorii. Sbornik statej k 65-letiyu professora I. Ya. Froyanova* [Studies in Russian history. Collection of articles on the 65th anniversary of Professor I. Ya. Froyanova], 2001, pp. 152–165. (In Russian).
4. *Alekseev Yu. G.* Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of Russian troops under Ivan III]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2009, 464 p. (In Russian).
5. *Alishev S. H.* Kazan' i Moskva: mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vekah. Kazan' [Kazan and Moscow: interstate relations in the 15–16 centuries]. Kazan, Tatar Prince Publ., 1995, 160 p. (In Russian).
6. *Bakhtin A. G.* XV–XVI veka v istorii Mariyskogo kraja [15–16 century in the history of the Mari region]. Ioshkar-Ola, Mariyskiy poligraficheskiy kombinat Publ., 1998, 192 p. (In Russian).
7. *Guseva T. V.* Kul'turnyj sloj Nizhnego Novgoroda kak istoricheskij istochnik [The cultur lyaer of Nizhny Novgorod as a historical source]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i archeologii* [Nizhny Novgorod studies on regional lore and archeology], 1996, pp. 44–45. (In Russian).
8. *Kniga polockogo pohoda 1563 g. (issledovanie i tekst)* [Book of the Polotsk campaign in 1563 (study and text)]. St. Petersburg, RNB Publ., 2004, 108 p. (In Russian).
9. *Komarov O. V.* Kazaki: mnogoobrazie social'nogo yavleniya XV–XVII vv [Cossacks: the diversity of the social phenomenon of the 15–16 centuries]. *Valla*, 2017, no. 3 (5), pp. 14–29. (In Russian).
10. *Komarov O. V.* Ratnye lyudi Pomorskih gorodov vt. pol. XVI — nach. XVII vv. [Military people of the Pomeranian cities of the second half of the 16 — early 17 centuries]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources], 2014, vol. 6, pp. 1–36. URL: <http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov/> (In Russian).
11. *Kotlyarov D. A.* Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov nacional'noj politiki Rossii. [Moscow Russia and Volga peoples in the 15th — 16th centuries: At the origin of the national policy of Russia]. Izhevsk, Udmurt University Publ. House, 2005, 314 p. (In Russian).
12. *Kuznetsov A. B.* Kazanskij vopros vo vneshnej politike Eleny Glinskoj (1533–1538 gg.) [The Kazan Question in Helena Glinsky's Foreign Policy (1533–1538)]. *Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii. Materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu sozdaniya Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (RGNF) (g. Saransk, 8–11 iyunya 2011g.)* [Volga lands in the history and culture of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 10th anniversary of the creation of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RGNF) (Saransk, June 8–11, 2011)], 2004, pt. 1, pp. 73–78 (In Russian).
13. *Kuncevich G. Z.* Istoriya o Kazanskom carstve, ili Kazanskij letopisec. Opyt istoriko-literaturnogo issledovaniya [The story of the Kazan kingdom, or the Kazan chronicler. Experience of historical and literary research]. St. Petersburg, N. I. Skorohodov Print. House, 1905, 696 p. (In Russian).
14. *Moiseev M. V.* Politicheskaya bor'ba kazanskoj znati: istoriografiya i russkie istochniki [The political struggle of the Kazan nobility: historiography and Russian sources]. *Srednevekovye tyurksko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states], 2013, no. 5, pp. 20–29. (In Russian).
15. *Nesin M. A.* Iz istorii logistiki russkikh vojsk v XV — nachale XVI veka (Otzyv na rabotu V. V. Penskogo "...i zapas pasli na vsyu zimu do vesny": logistika v voynakh Russkogo gosudarstva epokhi pozdnego Srednevekov'ya — rannego Novogo vremeni") [From the History of Logistics of Russian Troops in the 15th — beginning of the 16th centuries (Feedback on the work of V. V. Penskoj "...and the stock was grazed all winter until spring": logistics in the wars of the Russian state of the late Middle Ages — early Modern Times)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources], 2016, vol. 8, pp. 134–166. URL: http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (In Russian).
16. *Nesin M. A.* K istorii moskovsko-kazanskih otnoshenij 1535–1540-hkh gg. Chast' 1. Krymskiy faktor, pohody kazancev na russkie zemli 1535–1549 gg. [To the history of the Moscow-Kazan relations 1535–1540 years. Pt. 1. The Crimean factor, Kazan campaigns on the Russian lands of 1535–1549]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i*

- istochniki [History of Warfare: Studies and Sources], 2019, vol. 10, pp. 432–491. URL: http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13 (In Russian).
17. *Nesin M. A.* K istorii srazheniya novgorodcev s moskvichami na reke Shelenge 27 iyulya 1471 g [To the history of the battle of Novgorod with Muscovites on the Shelenga River July 27, 1471]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of Warfare: Studies and Sources], 2014, vol. 7, pp. 46–68. URL: http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2 (In Russian).
 18. *Percev N. V.* Pohod moskovskih vojsk 1499 g. v Yugru v kontekste vneshnej i vnutrennej politiki Moskovskogo gosudarstva [Campaign of the Moscow troops of 1499 in Ugra in the context of the foreign and domestic policy of the Moscow State]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2018, no. 2, pp. 40–54. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_25381.html (In Russian).
 19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 2000, vol. 3, 720 p. (In Russian).
 20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1904, vol. 13, pt. 1, 302 p. (In Russian).
 21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1906, vol. 13, pt. 2, 240 p. (In Russian).
 22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1903, vol. 19, 496 p. (In Russian).
 23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1914, vol. 20, pt. 2, 302 p. (In Russian).
 24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1965, vol. 29, 390 p. (In Russian).
 25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection kul'tury Publ.], 1978, vol. 34, 390 p. (In Russian).
 26. *Puzanov V. D.* Russkie pohody na Yugru XI–XVI vv. [Russian trips to Ugra 11–16 centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 3 (18), pp. 161–164. (In Russian).
 27. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg* [The debased book of 1475–1598 years]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 615 p. (In Russian).
 28. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The debased book of 1475–1605 years]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 1, pt. 2, 914 p. (In Russian).
 29. *Farhudinow R. G.* Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana: drevnost' i srednevekov'ye [History of Tatar people and Tatarstan antiquity and Middle Ages]. Kazan, Magarif Publ., 2000, 255 p. URL: https://www.tataroved.ru/obrazovanie/textbooks/1/r6/?&url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/&bso_rewrite_url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/ (In Russian).
 30. *Khudyakov M. G.* Oчерki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of Kazan Khanate]. Moscow, INSAN Publ., 1991, 320 p. (In Russian).
 31. *Shmidt S. O.* Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Constinuation of the chronograph of the redction 1512 year]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1951, no. 7, pp. 258–259 (In Russian).
 32. *Schmidt S. O.* Predposylki i pervye gody "Kazanskoj vojny" (1545–1549) [Prerequisites and Early Years, "Kazan War" (1545–1549)]. *Trudy Moskovskogo istoriko-arhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow Historical and Archival Institute], 1954, no. 6, pp. 96–252. (In Russian).

Received 23.11.2018

Nesin M.A., Candidate of History, Junior Researcher
Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops
of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Alexandrovsky Park, 7, St. Petersburg, Russia, 197101
E-mail: petergof-history@yandex.ru